

Общества китайцев Уссурийского края (вторая половина XIX — начало XX вв.)

Отличительной особенностью традиционного китайского общества является многочисленность различных социальных объединений, пронизывающих его как по вертикали, так и по горизонтали. Помимо этнической и сословной дифференциации достаточно вспомнить многоступенчатую систему организации цехогильдий, торговых и ростовщических гильдий, роль клановой системы, тайные общества (*хуэйданы*) и религиозные секты (*цзяомэнь*).

Попадая на новую территорию, китайские мигранты зачастую воспроизводили привычные им институты и формы социальных связей. Не были исключением и китайцы в России. Имеющиеся данные позволяют среди всей совокупности организаций, действовавших в Приамурье, выделить объединения, типологически относящиеся и к цехогильдиям, и к хуэйданам, и к цзяомэнь. Однако деятельность китайских организаций на русском Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. еще мало исследована, и во многом это объясняется скудостью источниковой базы. Большинство обществ не были официально легализованы, поэтому русские власти не имели целостного представления о спектре действовавших в крае образований. К концу XIX в. у представителей региональной элиты сформировалось представление о том, что все китайцы, находящиеся на территории русского Дальнего Востока, объединены в какие-то организации. Однако дальше констатации недопустимости такого положения дело не пошло. Сведения о китайских организациях не были систематизированы и обобщены. В начале XX в. делались попытки изменить ситуацию. В 1910 г. в Приамурье под руководством Н. Л. Гондатти работала Амурская экспедиция, исследовавшая состояние и развитие различных сфер жизни края. Участник экспедиции В. В. Граве, изучавший положение азиатских мигрантов, пришел к выводу: "... в принципе Общества совершенно недопустимы, т. к. в конце концов, как тайные, так и легализованные, являются ничем иным, как органами, управляющими китайцами в крае, фактически присваивая себе административные и судебные функции государства. Тем более недопустимыми являются те общества, которые распространяют свою компетенцию на русских подданных". Однако он заметил, что при отсутствии реальной возможности контролировать китайцев "... лучше иметь дело с явно действующими главными китайскими обществами, чем с тайными...". В 1911 г. по поручению приамурского генерал-губернатора был продолжен сбор сведений о китайских,

корейских и японских обществах. Список китайских обществ удивляет своей скудостью, но в принципе отражает уровень осведомленности местной власти о ситуации на местах: три легализованных общества взаимного вспомоществования (Владивосток, Никольск-Уссурийский, Хабаровск) и полный информационный вакуум о том, что делается на остальной территории. В докладной записке приамурскому генерал-губернатору сообщалось, что в Никольск-Уссурийском, Удском, Хабаровском уездах легальных китайских обществ нет. В Иманском уезде в Спасской слободке приставу и начальнику уезда было известно одно китайское общество. Его члены выбрали старшин и на собраниях решали жизненно важные вопросы, причем “решениям своего схода китайцы подчинялись беспрекословно”. Ситуация не изменилась и после того, как пристав разъяснил, что “эти решения никакой силы не имеют, т.к. китайского общества не существует” [РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 190. Л. 109]. Из Ольгинского уезда сообщали, что нелегальные общества существуют повсеместно. “Они являются следствием национальных обычаев... китайцев, по которым каждые 5-6 фанз организуются в общества и разбираются в вопросах своей внутренней жизни через уважаемых лиц своей среды. Эти люди разбирают ссоры, недоразумения, столкновения на основе законов национального обычного права” [Там же. Л. 109]. В заключительной части записки констатировалось что, по всей видимости, как областное, так и уездное начальство мало осведомлено относительно типа организаций, которые “несомненно существуют в значительном числе” среди проживавших в крае китайцев. В отечественной историографии предпринималась единственная попытка обобщения сведений о тайных обществах, действовавших во Владивостоке. Г. А. Сухачева разделила китайские объединения на группы, положив в основу принцип легитимизации организаций русской властью и род занятий. Ею выделены: легальные, но занимающиеся тайной деятельностью, полуполигальные, конспиративные, занимающиеся только незаконной деятельностью [Сухачева, 1993, с. 65]. Не отвергая возможность такой классификации, представляется целесообразным предложить другой вариант — 1) общества, не легализованные русскими властями, включая тайные общества конспиративного типа; 2) общества, легализация которых была инициирована русскими властями; 3) общества, легализованные по инициативе китайцев.

Общества, не легализованные русскими властями

Организации китайских промысловиков, чернорабочих, земледельцев

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что промысловики, приходившие в Южно-Уссурийский край, и земледельцы, обеспечивавшие их продуктами, объединялись в союзы, основанные

на профессионально-корпоративных и родственных (земляческих) связях. В своем исследовании “Маньчжурская граница в Цинской истории” Р. Ли реконструирует процесс формирования подобных союзов. Нелегальным поселенцам, уходившим жить в дикую местность из-за нужды или чтобы исчезнуть от возмездия закона, ради безопасности приходилось собираться в небольшие группы, являвшиеся вариациями объединений одного типа, базировавшихся на принципах родства, землячества или уходивших корнями к тайным братствам. О существовании подобных организаций в окрестностях Владивостока в начале 60-х гг. XIX в. упоминает начальник поста Владивосток Е. С. Бурачек, выяснивший, что окрестные жители подведомственны избранному ими старшине (*тай-е*) и его четырем помощникам, жившим на р. Цимухэ. Старшина, обладая абсолютной властью — “его распоряжениям мы подчиняемся совершенно” — заботился об избравших его китайцах и имел право “дурных наказывать по суду с помощниками”. Более подробные сведения о структуре подобных организаций удалось собрать Палладию, сообщавшему, что до 1868 г. “маньцзы по исконному навыку китайцев к порядку и для успешного производства разделялись на правильно организованные промышленные партии: “ва цзинь ди” (золотопромышленников), “ва шэнь ди” (искателей женьшеня)”. Каждая из партий состояла из нескольких тысяч человек и занимала особый участок земли, во главе партии стоял старшина (*да-е*), он обычно избирался из уважаемых людей и имел помощников (*эр-е* и *сань-е*). Старшина обладал правом решать распри, наказывать виновных своей партии не только палочными ударами, но и смертной казнью. В его функции входил справедливый дележ всего добытого на промысле. *Да-е* должен был обеспечить в случае необходимости уход за больными и принять меры по обеспечению семей тех членов партии, которые попадали в руки правосудия к маньчжурам и были казнены или сосланы. Помимо административно-судебных, за старшиной закреплялись и хозяйственные обязанности по устройству ферм, складов, перевозки добытого на промысле. Каждый человек мог перейти из одной партии в другую. Подобные китайские организации продолжали существовать и позднее. Подполковник генерального штаба И. Надаров сообщал, что в 1885 г. ему было известно о существовании 14 китайских округов.

В конце XIX — начале XX вв. русской администрации удалось получить тексты законов, регламентировавших жизнь членов подобных организаций: “Общества 308 крестных братьев” на Имане (А. М. Казаринов считал, что Гун-и-хуэй является органом управления “Общества 308 крестных братьев”), обществ, существовавших в долинах рек Сучан и Санхобэ. Несмотря на существовавшую вариативность можно говорить о единообразном принципе построения этих обществ. Во главе стоял *цзун-лао-да* (*чжун-да-е*) — главный старшина,

выполнявший, как правило, и функции главного судьи. На более низкой ступени находились *да-е* (старшины) и их помощники. Во всех обществах выбирались судьи, а в некоторых еще и следователи, собиравшие материалы о преступлении. Для сношения с русскими властями и частными лицами на Сучане и в долине Санхобэ имелись специальные старшины, в той или иной мере владевшие русским языком. Законы долин, вырабатывавшиеся на общих собраниях, кодифицировали наказания (остракизм, палочные удары, закапывание живым в землю, утопление в реке) за различные преступления и регулировали нормы проживания в указанных районах.

Гораздо меньше сведений о китайских организациях в городах, при этом основной массив подобного рода информации относится к началу XX в. Дипломатический чиновник при приамурском генерал-губернаторе Н. Бояжвенский отмечал, что все рабочие одной специальности входят в союзы и действуют по указанию руководства союзов, в связи с чем между ними отсутствует конкуренция. Так, Хабаровск был разделен китайскими водовозами на участки, и за каждым закреплялся определенный район [АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 763. Л. 137]. Год спустя он охарактеризовал это явление подробнее: "... являющиеся к нам китайские рабочие группируются по специальностям, вроде прежних цехов. Все вообще китайцы, проживающие в данном месте, составляют почти всегда общество. Такие общества, собственно говоря, не имеют определенной, строго проведенной организации, они образуются как бы сами собой, по обычаю, но они все-таки следуют известному порядку, в силу которого руководят такими обществами более богатые или почему-либо влиятельные китайцы. Такую роль большей частью играют купцы, профессия которых пользуется в Китае особым уважением" [АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1097. Л. 17-17 об.]. В. В. Граве обращал внимание, что китайские общества организовались в незапамятные времена. "С присоединением Края к России общества эти сохранились и несомненно существуют до сих пор. Среди торговцев, каменщиков, плотников, водовозов, огородников, кирпичников, прислуги имеют свои разветвления в крае" [АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 750. Л. 159].

Таким образом, на сегодняшний день представляется возможным констатировать факт существования подобных организаций в русских городах, однако отсутствие источников не дает оснований для изучения их структуры, персонального состава, численности, географии распространения.

Побратимские организации

Еще более сложной для изучения представляется история небольших товариществ, создававшихся китайцами в индивидуальном порядке. Д. И. Шрейдер, Н. Холодов, Л. Иванов, отмечая, что среди

китайцев высоко развиты чувства товарищества и братства, приводили в качестве примера описание обычая “кады”, целью которого являлось установление побратимских связей [Иванов, 1914, с. 5; Холодов, 1908, с. 39; Шрейдер, 1897, с. 109]. Русская администрация, в принципе зная о существовании подобных обществ, редко получала достоверную информацию о них. Однако в 1903 г. во Владивостоке удалось установить поименно членский состав двух братств — “Братства единокорности” и “Братского товарищества”. Материалы расследования и допросы участников на сегодняшний день являются уникальным историческим источником.

“Братства”, созданные в октябре и ноябре 1903 г., имели небольшой численный состав. “Братское товарищество” насчитывало 13 человек, “Братство единокорности” — 24. Обе организации образовались по знакомству, т.е. знакомые между собой люди образовали одно и другое общество. Целью товариществ являлась помощь их членов друг другу в “материальной нужде”. По свидетельству побратимов, подобные общества широко распространены в Китае и возникли во Владивостоке с самого начала появления в нем китайцев. “Таких обществ во Владивостоке много, много их и в Китае, но нам во Владивостоке они еще нужнее, чем в Китае. Не имея здесь ни жен, ни дочерей, которые могли бы за нами ухаживать в случае болезни, мы дали по нашим обычаям друг другу клятву в кумирне, что будем друг другу помогать, вести себя прилично и почитать старших”. Существование подобных обществ, по свидетельству китайцев, “нисколько не скрывалось и не скрывается”. Традиционно на оборотной стороне новогодних визитных карточек китайцы Владивостока писали, к какому обществу они принадлежат. В ходе расследования удалось получить информацию еще о пяти подобных организациях, лично известных допрашиваемым. Однако, как отметили китайцы, подобных обществ намного больше.

По свидетельству С. Л. Ивановича, проводившего расследование, “члены упорно и решительно отвергают название “общество”, “товарищество” и т.п., а те, которые говорят по-русски, величают своего сочлена обыкновенно “крестный брат”. В списке на красном коленкоре кроме имен товарищей имеется и перечень членов семейства каждого из них. Это объясняется тем, что каждый член семейства вступившему в товарищество становится родней: братом, отцом, матерью и т.п., а т.к. это не настоящий брат или отец, но тем не менее по значению ничуть не меньше настоящего, то китайцы, определяя его положение, по-русски прибавляют слово “крестный”, показывая этим, что им известно, что и у русских крестный отец часто заменяет родного отца”.

Во главе обоих обществ стоял старшина — Чин-гон-у, избранный “как состоятельный и почтенного возраста человек”. Однако с точки зрения русских властей репутация у Чин-гон-у была

неважная: проживавший в центре города, он занимался банковками, опиумокурильнями и тайной проституцией среди китайцев. Чин-гон-у, согласно его показаниям, прибыл в Россию около 1876 г., “раньше не состоял старшиной, потому что не был богат, но младшим братом состоял в обществе, старшиной которого был А-син, содержатель китайского театра. Старшиной выбирают потому богатого, чтобы он помогал бедным, как деньгами, так и привлечением занятия, вообще оказывал всякое содействие в случае нужды”. Кроме благотворительных функций на старшину возлагались и обязанности иного рода. Член одного из обществ Ма-ли-не, проживший в России 6 лет, сообщил, что: “... если кто-нибудь из членов общества ведет себя скверно, пьянствует, ворует, дерется, то старшина имеет право высечь его в кумирне и выслать на родину, для чего члены общества собирают между собой деньги и отправляют”. Несмотря на отрицание Чин-гон-у фактов телесных наказаний, Ивановичу удалось установить, что старшина обладал правом наказывать провинившегося члена общества 40 ударами палок и 25 рублями штрафа. При повторном нарушении правил человек исключался из братства и обязывался покинуть местность, где оно находится. Оказалось, что сходными правами обладали и старшины других обществ. Согласно показаниям Ван-тай-до, прожившего в России 14 лет и состоявшего десятником при полиции в распоряжении П. В. Шкуркина, “большинство китайцев во Владивостоке состоит в подобных товариществах”.

Религиозные организации

Религиозная жизнь китайцев в русских дальневосточных городах является малоизученной темой. По сведениям В. В. Граве и Л. Иванова, во Владивостоке действовало общество Цзайли. Центральный комитет его находится в Тяньцзине, оттуда два раза в год в Приморскую область приезжали агенты для сбора денег. Отделение общества находилось во Владивостоке и насчитывало около 1000 человек. Собрания проходили в Барабаше и во Владивостоке [Граве, 1912, с. 112].

Тайные общества конспиративного типа

К данному типу организаций можно отнести общества, основным способом существования которых была противоправная деятельность — различного рода бандитские (хунхузнические) группировки, союзы типа общества “Яньбан” (Братство опиумных контрабандистов), члены которого промышляли транспортировкой и торговлей опиумом, “Общества хозяев игорных домов” [Сухачева, 1993, с. 69]. Сведения об их внутренней организации крайне скупы. Известно, что шайки хунхузов имели сложную структуру. По свидетельству китайских купцов,

торговавших во Владивостоке, в банде могло состоять до 400 человек, однако непосредственных исполнителей было приблизительно 120. Занимавшиеся грабежами и налетами разбивались на группы в пять, десять, пятнадцать, двадцать человек, изредка численность доходила до сорока. Остальные работали прислужгой, поварами, лакеями у русских чиновников, офицеров, в дорогих ресторанах. Неплохо владея русским языком, они собирали и передавали информацию сообщникам. В случае возникновения осложнений у каждого из них был влиятельный русский покровитель, гарантировавший их честность и лояльность по отношению к русским властям [РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 579 а. Л. 308 об.].

Общества, легализация которых была инициирована русскими властями

15 февраля 1891 г. были изданы особые правила об общественном управлении китайского и корейского населения. В 1 пункте оговаривалось, что “каждое отдельное китайское и корейское общество составляется из проживающих в известных городах и селениях Приморской области китайцев и корейцев, имеющих русские билеты на жительство”. Главным являлся общественный старшина. Им мог быть избран любой член общества не моложе 25 лет, имевший право голоса, не состоявший под следствием, судом и не пораженный в правах. Кандидатуры старшин после их избрания на должность утверждались полицмейстером и военным губернатором. На старшин возлагалась ответственность за сохранение порядка и спокойствия в пределах своих обществ. Обязанности, вмененные обществам, были довольно обширны. Их можно разделить на несколько групп: связанные с поддержанием жизнедеятельности общества (наем помещения для канцелярии, выплата жалования и т.п.); благотворительная деятельность (уплата за лечение в госпиталях, погребения умерших, призрение престарелых, дряхлых, увечных членов общества, оказание помощи в случае стихийных бедствий); меры по обеспечению лояльности китайского населения русской администрации.

Правом голоса в обществе пользовались лишь те лица, которые имели недвижимость, торговлю, занимались “другого разного рода промыслами”. Китайцы, принадлежавшие к обществу и имевшие право голоса, могли участвовать в общественном сходе. Решения схода имели силу лишь в том случае, если на нем присутствовали полицейский чиновник, старшина или его заместитель и не менее половины членов, имеющих право голоса.

Объем полномочий старшин был равен полномочиям волостного старшины. Старшины могли назначать на общественные работы совершивших маловажные проступки (до 3 дней), взимать с них денежные штрафы в пользу общества (до 3 руб.), брать под арест (не более 2 дней).

Для разбора более сложных дел военным губернатором учреждался общественный суд, состоявший из выборных судей.

Особенность этих правил заключалась в том, что они создавались русской администрацией и, следовательно, регулировали те ситуации, которые причиняли ей массу хлопот и недоразумений. В них ясно зафиксировано желание русской администрации установить свой контроль над китайцами: все значимые шаги могли предприниматься либо с ведома администрации или полиции, либо при непосредственном участии ее представителей.

Китайские общества были созданы в Хабаровске, Владивостоке, Никольске-Уссурийском. В 1894 г., подводя итоги трехлетнего существования обществ, местные администраторы позитивно оценили их деятельность. Но была и обратная сторона медали — общества способствовали сохранению обособленности азиатских мигрантов, поэтому в период с 1898 г. по 1901 г. китайские общества были закрыты.

Общества, легализованные по инициативе китайцев

Первое китайское торговое общество в Приамурье (“Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования”), легализованное по ходатайству китайцев, было разрешено 18.04.1907 г. В январе 1910 г. зарегистрировали Китайское торговое общество в Хабаровске. Цель деятельности первого общества определялась так: “... развитие более тесного взаимного единения между членами общества, способствующего улучшению их быта в материальном и духовном отношениях” [РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 304. Л. 70]. Общество создавалось для сбора торговых сведений, для изучения и развития торговли и торговых наук, составления свода китайских торговых обычаев и перевода его на русский язык, выдачи, по требованию русской администрации, справок о кредитоспособности, размере торговых оборотов и других сведений, касавшихся своих членов, поддержки общих выгод и выработки цеховых уставов, найма особых “сыщиков” и городских в целях обеспечения мирной торговли в крепости Владивосток, нарушаемой хунхузами. Уставом предусматривалось оказание помощи соотечественникам: содействие в трудоустройстве и возвращении на родину, снабжение бедных пищей, временным приютом, больных — медицинскими пособиями, что давало основания считать общество благотворительным. Членом общества мог стать любой китайский подданный во Владивостоке, но в него не принимались несовершеннолетние, злостные банкроты, должники, лица, не пользовавшиеся уважением, хунхузы и ряд других категорий населения.

Во главе исполнительного органа общества (комитета) стоял председатель. В комитет избирались уважаемые китайцы, имевшие

торговое дело или недвижимость, в возрасте старше 25 лет. Председатель должен был владеть китайским и русским литературными языками, его возрастной ценз повышался до 30 лет. Разделы Устава о составе общества, его комитете, вопросах, находившихся в их ведении составлены по канве правил, выработанных министерством торговли и промышленности Китая и утвержденных в 1903 г. императором. Процедура регистрации обществ была довольно сложной. Получив у местных властей разрешение на открытие, общества через консульства проходили регистрацию в Пекине. Со временем русской администрации стало известно, что члены комитета за свою деятельность получали особые знаки отличия — медали.

Созданное как благотворительное, владивостокское китайское общество с началом Первой мировой войны собрало 5315 руб. 20 коп. для раненых русских воинов и их семей. Однако благотворительность не была основной сферой приложения сил членов общества. В действительности же общество являлось одним из звеньев огромной цепи официальных учреждений, опоясывавшей не только весь Китай, но и заграничные колонии китайских подданных. По сведениям цензора по иностранной печати на восточных языках во Владивостоке А. Н. Занковского, подобные общества существовали “в каждом городе и селе края”, причем либо типа “главных”, либо типа “отделов”, которые делились на большие (*дахуй*) — в Шкотово, Владимиро-Александровском, Ольге, и на меньшие (*сяохуй*) — в Зиньковке, Петровке и других населенных пунктах. Для координации деятельности таких обществ в Китае существовал орган, объединявший все местные торговые общества и известный под названием “Соединенного общества”, куда периодически командировались депутаты от региональных “Главных торговых обществ”. Именно оттуда высылались расценки на скупаемые в крае женьшень, панты, меха, морскую капусту, трепангов, крабов и другие продукты промысла. Зачастую владивостокское отделение по поручению купцов, находившихся в Китае, взыскивало деньги с должников, проживавших во Владивостоке. Аналогичные поручения давались владивостокским отделением подобным обществам в Китае [РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 5].

Н. Богоявленский, оценивая роль обществ взаимного вспомоществования, отмечал, что они являются биржей, где совершаются сделки как на товары, так и на фонды; это суд, разбирающий как гражданские, так иногда и уголовные дела. Это клуб, где собираются члены для развлечения, устраиваются торжества по случаю национальных китайских праздников и другим случаям, это и политическое общество, где обсуждаются разные вопросы внутренней и иностранной политики Китая.

Эти общества благополучно пережили революцию и закончили свое существование лишь в 20-х гг. прошлого века.

Библиография

Граве, 1912 — *Граве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912.

Иванов, 1914 — *Иванов Л.* Цзинь-лань-пу. — Вестник Азии. 1914. № 30.

Сухачева, 1993 — *Сухачева Г.А.* Обитатели “Миллионки” и другие. — Россия и АТР. 1993. № 1.

Холодов, 1908 — *Холодов Н.* Уссурийский край. СПб., 1908.

Шрейдер, 1897 — *Шрейдер Д.И.* Наш Дальний Восток. СПб., 1897.